

— **5 ноября** Серёжа Лебле защитил докторскую диссертацию в Ленинграде, в ЛГУ, на физфаке. За год или два до того он перешёл с преподавательской работы на должность старшего научного сотрудника у себя на кафедре же специально, чтобы закончить работу над диссертацией и оформить её.

— Форсировал это дело он чрезвычайно быстрыми темпами: ещё летом чего-то там пересчитывал у себя на даче под Псковом, а осенью уже защитился. Никаких особых проблем в связи с защитой у него не возникло. И тем не менее защита его допекла. Не сама защита, а всё с ней связанное.

— Серёжа здорово изменился за последние год, два. Укатали сивку крутые горки. Вид у него стал совершенно изнурённый, постарел, под глазами мешки. Где бывалая бодрость неизбывная? Где наши баталии "в пешки", походы за грибами и на рыбалку? Всё почти заглохло. Встречались мы теперь редко.

— Тем более, что и рабочие наши отношения фактически прекратились. Мы не были больше заказчиками для теоретиков, они кормились теперь (совместно с Латышевым) непосредственно от Спецсектора ИФЗ, были недовольны ихним Ивановым, который их надул, пообещав проблемную лабораторию. Вроде бы жалели, что расстались с нами, но поезд уже ушёл.

— С университетом наши связи почти прервались, лишь Ваня с Федей по инерции ещё бегали туда с Кшевецким пообщаться, но и то редко. Неясно было, буду ли я читать спецкурс у теоретиков. Серёжа говорил, что они очень бы хотели, но возникли трудности с часами: у них повысили вдвое почасовую оплату и вдвое же сократили объём почасовых занятий.

— Кстати, неожиданно ко мне обратился Малик Юсупов с просьбой занять у них на кафедре (АСУ) в КТИ полставки профессора, освободившиеся после ухода на пенсию какого-то старичка. У них на кафедре это был единственный доктор, теперь они его лишились и срочно искали хоть кого с докторской степенью, дабы не упал престиж кафедры. Согласны были на любые условия, обещали сами всю нагрузку тянуть, лишь бы был у них доктор, иначе несолидно, уважать перестанут, а то и вовсе закроют, разгонят, в нынешнее-то время сокращений.

— Я отказался, а когда поведал об этом предложении Серёже, он отреагировал в том смысле, что я правильно поступил - уж лучше у них на кафедре те же полставки занять. Я тоже так считал, но дальше этого разговора дело не пошло, хотя речь на эту тему велась в наших беседах с Серёжей уже не в первый раз.

— Так вот, возвращаясь к Серёже, на его душевное состояние и даже внешний вид помимо "производственных" забот - с диссертацией, хоздоговорной темой и кафедрой - и неправильного (неспортивного) образа жизни несомненно влияли ещё и домашние неурядицы.

— Люда вдруг вздумала ревновать его - сначала к Серёжиной выпускнице, работавшей у них на кафедре, потом к кому-то в Ленинграде. Она жаловалась на Серёжу Сашуле, из её рассказов следовало, что семейная жизнь у них с Серёжей на грани развала, хотя от Серёжи я даже и намёков никаких на этот счёт не слыхивал, не то чтобы жалоб. У Люды явно развилась неврастения на почве её подозрений, что, конечно, не улучшало обстановку в семье.

— Наконец, ещё одна проблема ужасно заботила их обоих - проблема замужества их дочери, Жанны. Оба, похоже, очень боялись, как бы она не осталась старой девой, и всячески поощряли её попытки найти себе жениха.

— Претенденты объявились, и не один, но все они не очень-то нравились родителям Жанны по причине неблагородного своего происхождения и недостаточности воспитания и образования, всё матросы какие-нибудь или работяги просто, где она их только находила? На танцах, наверное, то бишь на дискотеках.

— Жанна как будто была не прочь выйти замуж за кого угодно, лишь бы выйти, а Серёжа с Людой не знали, что лучше - выдавать её за того, кто возьмёт, благо есть сейчас такие, или ждать невесты чего с риском вообще остаться с носом?

— С этим букетом проблем - Жанна, Люда, диссертация - Серёжа выглядел таким замотанным, что смотреть на него без грусти невозможно было. Я пытался его отвлечь, развлечь, приглашал "в пешки" погонять, выпить, наконец, - где там, никакого энтузиазма. Даже защиту свою отметить бутылку не поставил, зажал, что называется, - куда уж это годится?

— Всё это напоминало моё состояние начала 80-х годов, послезащитный кризисный период. После маминой смерти - мобилизация всех сил на диссертацию, борьба с Фаткуллиным, Бобарыкиным (смешно сказать теперь), интенсивная работа по инерции, начало большой модели и ... срыв! Скорые, больница, Рая Снежкова. Спасибо бегу и тому, что бросил курить.

— У Серёжи его тяжёлая полоса тоже началась со смертей - отца и мужа сестры, ровесника или даже моложе его самого.

— **С 16 по 19 ноября** в Суздале проходил 5-й Всесоюзный семинар по ионосферному прогнозированию. К этому семинару мы собирались закончить очередной этап строительства большой модели - учесть влияние электрических полей. Сами поля тоже должны были рассчитываться в нашей модели из соответствующих уравнений, но это предполагалось сделать потом, а пока мы хотели ограничиться подключением заданных, готовых полей.

— Получилось, однако, иначе, чем мы планировали. Расчёты полей Клименко освоил и внедрил раньше, чем расчёты их влияния на всё остальное. Последние же застопорились, но буквально перед самым Суздалем произошёл прорыв и дело сдвинулось с мёртвой точки. Просчитать мы смогли совсем немного, всего несколько шагов по времени, но зато это был полный расчёт, все основные блоки модели были готовы, подключены и работали. Большая модель функционировала в полном сборе.

— Конечно, не всё там было ещё в порядке, не исключены были ошибки в каких-то блоках (так оно и оказалось, довольно быстро были обнаружены первые), но это могли быть ошибки частного характера, портившие какие-то детали картины, но не разрушавшие её полностью.

— Главное, на модели можно было вести счёт всех параметров, а уж по результатам предстояло судить, насколько счёт ведётся правильно, и насколько, соответственно, хороша модель. Правда, времени вычислительного наша модель жрала безобразно много: один шаг по времени считался 40 минут на ЕС-1046, любой же разумный вариант расчёта должен содержать таких шагов не меньше десятка, а обычно несколько десятков и даже сотни шагов. Значит, машину нужно сутками гонять, чтобы построить картину развития во времени какого-нибудь типичного геофизического явления. Наша же машина ещё ни разу не работала целые сутки без сбоя, да и вообще работала в одну смену.

— Но это всё не было неожиданностью, к этому-то мы были морально готовы. Главное, что модель есть. Есть то, что можно развивать и совершенствовать. Слава Богу, что она вообще в машину влезла, и машина её переваривает! Монстр, конечно, но когда она заработает без ошибок, это будет "самая лучшая в мире" модель! Пусть техника наша вычислительная отстаёт от мировых стандартов, зато модель им будет соответствовать, а там, глядишь, и техника подтянется.

— Но это всё лирика, мечты.

— Пока ещё надо ошибки отлавливать.

29 апреля 1988 г., кирха

В Суздаль мы отправились толпой в 11 человек (я, Кореньков, Клименко, Ваня, Федя, Смертин, Суроткин, Нина Наумова, Надежда Тепеницина и, кажется, Коля Нацвалян).

Точнее, толпа отправилась без меня, а я выехал раньше, ещё 12-го ноября, по делам в Москву (ИЗМИРАН, редакция) и встречал толпу во Владимире вместе с Андреем Михайловым (по просьбе Зевакиной, возглавлявшей оргкомитет семинара).

— В Москве я закончил редакторскую работу с Людмилой Евгеньевной над текстом, привёз ей предметный указатель и список обозначений, осталось за нами предисловие ответственных редакторов - Пудовкина и Иванова-Холодного. У обоих имелось по экземпляру рукописи. Пудовкину Б.Е. передал недавно, а у Холодного экземпляр находился уже больше месяца, и им был обещан отзыв-предисловие к ноябрьским праздникам.

— Я и явился к нему за обещанным. Отзыва, однако, Холодный не написал, но рукопись просмотрел и даже сделал кое-какие замечания, пустяковые, впрочем, стилистического, скорее, характера, чем по существу. Книгу в целом он одобрил и сформулировал её основные достоинства (широта охвата, понятность изложения, много физики, которой обычно не хватает в ионосферных исследованиях), дав понять, что этими формулировками он и предполагает внести свой вклад в совместное предисловие, которое пусть напишет Пудовкин, а он, целиком ему доверяя, подпишется под тем, что Пудовкин добавит к его формулировкам.

— Ну, что ж, спасибо и на этом, как говорится. Я позвонил Б.Е., передал ему содержание нашего разговора с Холодным и попросил его, в свою очередь, "обработать" Пудовкина, который, небось, сам был бы не прочь просто подписать то, что напишет Холодный. Я попросил Б.Е. сочинить для Пудовкина "рыбу" как бы от имени Иванова-Холодного, включив в неё его формулировки, а Пудовкин пусть добавит свои замечания или переделает, как ему нравится.

— В Москве я заскочил в спорткомплекс "Олимпийский" на футбольный матч "Динамо"(Москва) - "Зенит" (2:1). Матч этот ничего не решал, а в предыдущем туре решилась судьба "Зенита", который, сыграв вничью (1:1) с ЦСКА, удержался в высшей лиге, а ЦСКА вылетел. У "Зенита" и ЦСКА оказалось одинаковое количество очков, хотя фактически ЦСКА набрал на одно очко больше, но это очко не было ему засчитано как сверхлимитное (11-я ничья при лимите в 10). Тогда в дело пошли (при одинаковом количестве побед) результаты личных встреч между "Зенитом" и ЦСКА: 1:0 в Ленинграде и 1:1 в Москве.

— Трагедия же для ЦСКА состояла в том, что единственный гол в Ленинграде был забит с пенальти, совершенно необоснованно назначенного судьёй Кузнецовым за снос зенитовца Кузнецова армейцем Кузнецовым за пределами штрафной площади. Всё это было прекрасно видно по телевидению, судья просто опоздал к месту события и ошибся, а ЦСКА это в конечном итоге стоило места в высшей лиге. Впрочем, надо было в Москве у "Зенита" выигрывать. Не смогли, значит, поделом и вылетели.

— Зенитовцы же, добившись своего и изгнав Садырина, игру так и не наладили. Команду возглавил было Голубев, ещё не так давно выступавший за "Зенит" на посту центрального защитника, но по окончании сезона произошла очередная смена руководства: была призвана зенитовская гвардия - ведущие игроки "Зенита" времён моей юности - Станислав Завидонов (главным тренером) и мой кумир Лёва Бурчалкин (вторым тренером), оставили в команде и Голубева. Игроки они все были хорошие и преданные "Зениту", играли долго, но как тренеры никаких заслуг не имели. Посмотрим, что у них получится.

В эти же дни в Москве Ельцина сняли с поста первого секретаря московского горкома партии. Чересчур якобы увлёкся новыми веяниями, борьбой с привилегиями, всю партноменклатуру московскую растревожил.

— В Суздаль не попадёшь, минуя Владимир, и я, конечно, навесил Сашулиных родителей. Мама ослабела после операции (желчный пузырь вырезали), отец временно не пил (каждый день пока не пил, а со мной, разумеется, выпили за встречу и за отъезд).

— В Суздали жили и заседали в интуристовском гостиничном комплексе. Я поселился в одном номере с неугомонным Авакяном, беспрерывно чего-то говорившим на околонаучные темы, не требуя, впрочем, моего ответного участия в разговоре. Здесь уже выпал снежок и по нему было чудесно бегать по утрам, озирая силуэты многочисленных церквей. Кроссовки я теперь таскал с собой чуть ли не в каждую командировку.

— А сам семинар прошёл неинтересно. Я в своё время уклонился от участия в заседаниях программного комитета, а теперь жалел об этом. Программа была составлена как бы с единственной целью - устроить для заказчиков демонстрацию достижений ИПГ по части прогнозирования. Почти все заказные доклады были из ИПГ и носили откровенно показушный характер. Наукой в них и не пахло, докладчики в основном размахивали процентами оправдываемости прогнозов и эпигнозов.

— Когда я на заключительном заседании выступил с критикой программы, мне возразил, как ни странно, Толя Симонов из ИПГ, симпатичный мне в общем-то парень. Станным был, разумеется, не сам факт возражения, а его аргумент в защиту программы: ИПГ, мол, головной институт по прогнозированию, эта задача поставлена ему директивными органами, и потому, мол, в следующий раз надо дать ещё больше докладов от ИПГ.

— Независимо от того, что фактически сделано в ИПГ и в других конторах? - спросил я его с места, но вопрос мой прозвучал явно риторически, и ответа на него не последовало.

— Наш доклад (восемь авторов) шёл в качестве рядового оригинального 10-минутного сообщения. Делал его Володя Клименко и сделал очень хорошо - чётко, не размазывая, строго по регламенту. Но фурора не произвёл. Что, впрочем, и не планировалось на этот раз. Рано ещё. Напоминать о себе общественности надо, чтобы не забывали о нас и наших грандиозных проектах, видели, что продукция уже идёт. А вот в части качества этой продукции - ещё пахать и пахать.

— Вон Ваня Карпов ездил со своей диссертацией в ЦАО, к Ивановскому, так там ему сразу на пару ошибок в термосферной модели указали. С электронной температурой какие-то фокусы творятся. И буквально сразу после Суздаля выяснилось - моя ошибка, в талмуд наш обций я её внёс (один член с неверным знаком), а оттуда её Клименко в программу перетаскил. Но это всё в порядке вещей, на то она и большая система.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)